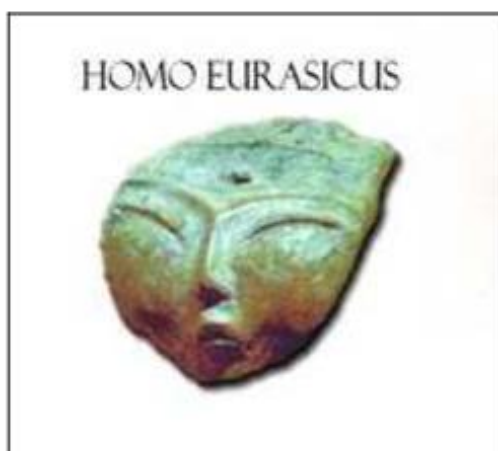

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

VI Всероссийская научно-практическая
конференция

**Номо Eurasicus в системах
социальных коммуникаций**

Коллективная монография

DirectMEDIA

Москва-Берлин
2015

УДК 316
ББК 60.50
О49

Ответственные редакторы:

Е.А. Окладникова, В. А. Попов

Редакционная коллегия:

А. В. Воронцов, В. Б. Косицын, Ю. Н. Гладкий,
Д. Г. Савинов, Е. А. Окладникова.

Рецензенты:

С. А. Давыдов, О. К. Крокинская

Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций :

О49 коллективная монография по материалам VI всероссийской конференции, Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 26 октября 2015 года / Отв. ред. д.и.н., Е. А. Окладникова, д.и.н. В. А. Попов. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 373 с.

ISBN 978-5-4475-5872-7

Коллективная монография представляет читателям материалы VI Всероссийской научно-практической конференции **«Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций»**. Разделы монографии отражают основную тематику конференции, а также направления дискуссии, связанные с проблемами древних коммуникаций, объединявших Запад и Восток континента Евразия. В трёх разделах монографии представлены материалы, отражающие археологический, исторический, геополитический, социологический и этнографический подходы к решению этих проблем.

Монография адресована широкому кругу специалистов в области истории и культуры народов Евразии, студентам и аспирантам, изучающим археологию, этнографию, социологию и историю, а также специалистам в области туристической индустрии.

УДК 316
ББК 60.50

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-4475-5872-7

© Коллектив авторов, текст, 2015

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2015

Ю. Н. Гладкий

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург*

«НЕОЕВРАЗИЙСТВО» – ГЕОСОЦИОЛОГИЯ И ГЕОПОЛИТИКА ПРОТИВ ГЕОЭКОНОМИКИ

Предваряя основную часть доклада, посвященного *геосоциологическим, геополитическим и геоэкономическим* аспектам концепции евразийства, изложим сначала несколько рамочных соображений, уточняющих исходные предпосылки к заявленной теме.

Хронологически «первым» в научном обиходе появилось понятие «*геополитика*» (от греч. *geos* – «земля», *politike* – «политика»), в первоначальной трактовке как теория и практика государственной внешней политики, основанной на максимальном учете географических факторов. Нынешнее многообразие подходов при определении предмета этой отрасли знания проистекает из исторических обстоятельств, из теснейшей ее связи в прошлом с правящими режимами и доминирующими идеологиями – т. е. с *запредельной социоморфностью*.

Феномен *геоэкономики*, на уровне обыденного сознания ассоциирующийся с глобальным «круговоротом» ключевых ресурсов (сырьевых, технологических, человеческих, финансовых) и «глобальным менеджментом», особое внимание исследователей привлек в последней четверти XX в. В наиболее распространенной интерпретации, геоэкономика – система взглядов, согласно которой политика государств определяется экономическими факторами, способствующими включению национальных хозяйств в мировые воспроизводственные цепи для участия в формировании и использовании мирового дохода. Это, в сущности, *внешнеэкономическая стратегия развития государства, вынесенная за национальные рамки система экономических атрибутов и экономических*

отношений, определяющих контур глобального экономического пространства.

Есть и другие подходы к трактовке геоэкономики, но в любом случае она выступает как симбиоз национальных экономик и государственных институтов, переплетение национальных и наднациональных экономических государственных структур. «Приватизированные» экономической наукой термины «геоэкономика» и «геоэкономический», истолковываются сегодня в литературе под «экономико-центричным» и «транснациональным» углом зрения, хотя совершенно очевидно, что геоэкономика, как междисциплинарная отрасль научного знания, предполагает сочетание идей экономики и географии, истории, социологии, юриспруденции, дипломатии и т. д. В той или иной мере геоэкономическими идеями пронизаны различные теории внутренних лимитирующих факторов (Р.Нурксе, Дж. Винер, Р. Болдуин, Дж. Мейер, А. Сови, Е. Ганнаже и др.), теории внешних факторов – международного разделения труда, внешней торговли, иностранного капитала (Г. Мюрдаль, Р. Пребиш, А. Льюис, Г. Зингер, Й. Шумпетер и др.), так называемые «социологические» теории (Б. Хозелитс, Э. Хаген, Дж. Кункель и др.).

Термин «*геосоциология*» обрел права «гражданства» позже геополитики и геоэкономики, впервые появившись в журнале «*Zeitschrift für Geopolitik*» в связи с дискуссией о роли послевоенной геополитики и «превращения геополитики пространства в геополитику человека». Тихомиров Ю. В., специально исследовавший публикацию З. Хиндера в этом журнале, приводит весьма показательную цитату, раскрывающую особенности социологического аспекта предмета геополитики: «Вместо суеверного отношения к географическим факторам в основу современной геополитики положе-

на пространственная реальность человека и общества. Эта реальность включает в себя, прежде всего, физико-психологическое пространство человека, а также область высшего человеческого бытия и его пространственную историю» (1, с. 104). Проводится мысль, что если геополитика определяется географическим фактором, то в геосоциологии это влияние опосредуется человеком.

Недооценка геоэкономики (как самодовлеющего компонента международных отношений) весьма характерна для продолжающейся уже более столетия дискуссии о евразийстве. В полемике по поводу евразийства и неоевразийства давно расставлены акценты, выявлены сторонники и противники, сломано множество «копий». Участники своеобразного «круглого стола» под эмоциональную «канонаду» идеологических обвинений давно перестали слышать друг друга. По верному замечанию одного из них, «нападающие как бы изначально исходят из того, что их противники занимают ущербное место в иерархии знания и им недоступна ни истина, ни общечеловеческие ценности, а стало быть, они не могут рассматриваться как субъекты равноправного дискурса» (2, с. 65). У одних «евразийство» – единственная «идея-сила», способная спасти Россию в XXI в., у других – «апология азиатчины», «наследие Чингисхана», «евразийское пугало», «основа краснокоричневой коалиции и союза ультралевых политиков» и т. д. и т. п. В условиях, когда каждый видит себя в существе миссионера, несущего «свет единой истины заблуждающимся умам» конструктивной может быть лишь строжайшая аргументация возможных преимуществ или недостатков социокультурной или геополитической модели.

Изначально евразийская идея была представлена научному обществу преимущественно как

геосоциологическая концепция, в целом укладывавшаяся в рамки гармоничного взаимодействия природы и социума. Именно в этом качестве давалась ей оценка, выявлялся ее эвристический потенциал для социальной философии и всего спектра социальных наук. Со временем геосоциологическое истолкование концепции уступило место *геополитическому*, что в значительной степени было обусловлено «смутными» годами 90-х годов.

В поисках геополитической перспективы страны усилиями многих авторов сформулирован следующий (воспринимаемый практически всеми диспутантами) постулат: в современном глобализирующемся мире подлинным суверенитетом может обладать только блок государств, имеющих единый цивилизационный знаменатель – религию, этические ценности, культурные модели, общезначимые сакральные центры, историческую устремленность, сходное понимание эсхатологии (3). Во-первых, этот тезис отнюдь не безупречен и, скорее всего, представляет собой пример аберрации общественного сознания. Сошлемся на пример. Традиционная негритянская культура десятков африканских государств – вполне очерченная система духовных и материальных ценностей (т. е. цивилизация), а новейшая история дает немало примеров африканских региональных блоков. Но, ни один из них, по вполне понятным причинам, не принес ни процветания, ни подлинного суверенитета слаборазвитым странам. Можно привести десятки аргументов в пользу того, что реализация евразийской идеи (в ее изначальном понимании) не в состоянии принести, как минимум, скорого процветания России.

Во-вторых, – ни общей религии, ни общезначимой шкалы культурных, сакральных ценностей, ни сходного понимания будущего – ничего этого на постсоветском

пространстве в реальности никогда не наблюдалось. Напротив, имело место парадоксальное сочетание различных цивилизационных пространств, которые немислимым образом должны были «притереться» друг к другу. Не «притерлись». А так называемый «советский суперэтнос» рассыпался как карточный домик. В этой связи вопрос типа: почему Туркмения или Грузия являются элементами «евразийского пространства», а Финляндия нет? – вовсе не кажется надуманным.

Да что там Туркменистан или Грузия? Речь впору вести о функциональной роли в «евразийском союзе» Украины – как само собой разумеющегося «столпа» славянского братства. Говоря о возможностях панславизма, не мешает вспомнить, что сотни украинских «хлопцев-добровольцев» еще недавно храбро сражались (и не только за деньги) против российских солдат в Чечне. Градус неприязни к «москалям» в некоторых областях Украины (особенно Западной) свидетельствуют отнюдь не о сиюминутном «умопомрачении», а о стойком комплексе «антимосквоцентризма», передающегося как бы по наследству. Придание статуса почетного гражданина г. Ровно известному русофобу и антисемиту С. Петлюре, возведение в ранг национального героя И. Мазепы, равно как и объявление предателем украинского народа Б. Хмельницкого – все это звенья единой политики, направленной на окончательное сожжение еще сохранившихся мостов между странами. Слепых сторонников славянского братства («стерильного» евразийства), живущих ностальгическими воспоминаниями о прошлом, стоило бы командировать «на перевоспитание», к примеру, в тот же Львов, Ивано-Франковск или в Польшу для пропаганды идей славянского интернационализма –

тогда их кипучая энергия, возможно, несколько поиссякла бы.

Трудно не разделить распространенную точку зрения, что при всех экономических и политических проблемах самостоятельная Украина, консолидированная вокруг «греко-католического» ядра, для РФ, – безусловно, благо. Для аргументирования этого тезиса всего лишь нужно помнить историю: при каждом опасном кризисе российского суперэтнуса тут же возникала проблема самостоятельности Украины. Можно вспомнить, как в эпоху могущества Польши, православие вовсе не мешало южным братьям-славянам идти на Москву под водительством гетмана Сагайдачного. К 1654 г. Польша ослабела, и Украина охотно встала под знамена более могущественного московского православного царя. Попутно можно вспомнить о стратегическом союзе Мазепы с прославившимся ратными успехами Карлом XII. Аналогичные вещи имели место и гораздо позже – в XIX и XX вв., когда значительная часть украинской элиты, в который раз принимая сторону сильного, устремляла свои взоры на Австро-Венгрию и Германию. Сегодня все повторяется вновь.

По состоянию на 2015 г. и после воссоединения Крыма с Россией трудно «рисовать» сценарии дальнейшей судьбы евразийской идеи в этом регионе на ближайшие десятилетия. Каждый из предлагающихся сценариев – 1) сохранение status quo; 2) федерализация Украины; 3) «приднестровский» сценарий; 4) «крымский» сценарий) – имеет сильные и слабые стороны. Однако из всех возможных приоритетов, главным для России остается геэкономический, поскольку он может обеспечить стране достижение ею внешнеполитических целей и экономического могущества. Но именно он трудно прогнозируем, так как тре-

бует учета фактора эффективности связей с реальными международными структурами – экономическими, финансовыми и интеграционными объединениями, транснациональными корпорациями, еврорегионами, свободными экономическими зонами и т. д.

Как формировались геополитические интересы России в прошлом – хорошо известно (в изложении не только советских авторов, но и Пальмерстрона, К. Маркса, З. Бжезинского и др.). Российская экспансия в прошлые эпохи была не хуже и не лучше колониальных захватов европейцев и религиозно-династических войн в послереформационной Западной Европе. Однако отличительной (и прискорбной, добавим) чертой российского экспансионизма всегда было *недопонимание геоэкономики как самодовлеющего компонента международных отношений*. Поясним на примере известного тезиса Маккиндера: «тот, кто контролирует Восточную Европу, контролирует хартленд; кто контролирует хартленд, тот контролирует мировой остров; кто контролирует мировой остров, тот контролирует весь мир». СССР, как известно, контролировал и хартленд, и Восточную Европу, и Центральную Азию, и Закавказье, однако контроль сам по себе автоматически не привел к заметному росту благосостояния населения Советского Союза. Среднестатистический вологодский (костромской, вятский и т. д.) крестьянин живет, в сущности, как и 100 лет тому назад (даже имея в своем убогом жилище телевизор). В свою очередь Финляндия, Новая Зеландия, Южная Корея «ничего и никого не контролировали», но смогли в XX в. воспользоваться плодами скорее геоэкономики, чем геополитики.

Разработка РФ долгосрочной внешнеэкономической стратегии с неременным

учетом *геоэкономических* факторов становится сегодня императивом для любой страны, рассчитывающей на активное включение в мирохозяйственные связи. Рост взаимосвязанности в мировом хозяйстве является следствием интернационализации экономической жизни, т. е. все более широкого ее выхода за национальные границы. Этот процесс идет отнюдь не равномерно, что создает серьезные проблемы для отдельных групп стран, вызывает противоречия между ними и напряженность в системе международных экономических отношений. В этой связи суровая правда жизни состоит в том, что в функциональном механизме мировой экономики постсоветские государства (за исключением России) предстают в существе либо вовсе «карликов», либо второстепенных государств. Поэтому акцент на геосоциологические аспекты евразийского «братства» (особенно в тех случаях, когда он сомнителен) имеет свои «нюансы».

В основе внешнеэкономической стратегии любого государства лежит понятие о национальном (государственном) *экономическом интересе*. В долгосрочном плане суть такого интереса (как процесса) состоит в обеспечении максимально возможного роста благосостояния населения страны, а в краткосрочном плане – минимизации числа граждан, которые должны понести ущерб на пути к достижению этой цели. Соответственно внешнеэкономическая политика государства должна быть направлена на обеспечение сегодняшних и завтрашних интересов национального экономического организма.

Кажущаяся ясность путей реализации национального интереса обманчива. В условиях СССР, когда национальный интерес оценивался с точки зрения укрепления позиций социализма в мире, государство в экономическом плане часто

проигрывало. В 90-е годы, когда в России основным лозунгом стала либерализация условий хозяйствования, пути реализации государственного экономического интереса не стали более ясными, и само понятие «государственный экономический интерес» различными слоями общества трактовалось по-своему. Лоббирование, дележ и «пробивание» отдельными корпорациями специфических условий хозяйствования (часто вопреки государственной выгоде) не способствовали росту эффективности национальной экономики России.

Сегодня становится ясным, что главные геоэкономические ориентиры России вырисовываются в трех трудно совместимых плоскостях. Первая – это сотрудничество с экономическими и финансовыми структурами стран западного альянса (западный вектор) по формированию валютно-финансового потенциала для осуществления крупномасштабных структурных сдвигов в экономике. Именно эта «плоскость» сегодня, вследствие «санкционной войны», является весьма ненадежной. Вторая – активное сотрудничество со странами «евразийского проекта» с целью развития внутреннего рынка, создания условий для постепенной модернизации имеющегося производственного потенциала и развития сырьевой и топливно-энергетической базы. Однако этот путь вряд ли поможет России повысить свой статус в функциональном механизме мировой экономики. И, наконец, третья плоскость ассоциируется с тихоокеанским вектором внешнеэкономических связей России.

Пассивное созерцание разворачивающихся «перетурбаций» в международных экономических отношениях и формирования новой геоэкономической

картины мира может дорого стоить России. Поэтому необходим взвешенный подход, который позволил бы правильно оценить как положительные, так и возможные отрицательные воздействия внешней среды на развитие экономики России.

Возвращаясь у «евразийскому проекту», заметим, что продолжение дискуссии в начале XXI в. о его первоначальном варианте обнаруживает свою убывающую полезность – сама дискуссия бесплодна как «пустоцвет». Раньше других это поняли Н. Бердяев, И. Ильин, П. Миллюков, Г. Флоровский – активные критики евразийства. (Напомним известное «покаяние» изначального евразийца Г. Флоровского: «Занимаясь писанием всего этого евразийского кошмара, я чувствую, что мог бы все это время и труд с гораздо большей пользой (и для себя, и для других) потратить на науку... Евразийство для меня тяжелый крест, и притом без всяких компенсаций. Поймите, что в глубине души я его ненавижу и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать. Бросить его уйти от него, забыть про него было бы для меня высшим счастьем»).

Особенно много вопросов возникает при продолжающейся эксплуатации некоторыми авторами так называемой «русской идеи». Но что она означает в условиях многонационального и многоконфессионального государства? С одной стороны, она действительно никогда не приобретала в России националистических или шовинистических форм. С другой, «методологическая неотшлифованность» «русской идеи» лежит на поверхности. Во-первых, нынешнее российское государство представляет собой Федерацию, в пределах которой кроме православных русских, проживают многочисленные представители мусульманского населения (татары, башкиры, аварцы,

кумыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши и др.), буддистского (буряты, калмыки) и т. д. Делать ставку лишь на православие («поствизантизм») и панславизм в поликонфессиональной посткоммунистической России и не дальновидно, и не разумно.

Характерно, что идеализация «русского характера» подается подчас как исконная ценность, которая ставится выше экономической или политической организации общества. Между тем в начале XXI столетия тщетно надеяться, что некие метафизические достоинства (русское духовное превосходство и универсальность) при отсутствии примера экономического процветания могут сплотить другие народы и государства и тем более «простить» агрессию или унижение национального достоинства соседних народов.

Совершенно очевидно, что так называемые «особые» русские черты» не коренятся таинственным образом в «русской душе», а являются логическим следствием социальных и политических условий исторического развития страны. Исторически «русская идея» (или «миссия») была отчасти необходимой психологической опорой на протяжении столетий борьбы с реальными угрозами за национальное выживание. Отчасти эта философия была типичной для колониального сознания нации, распространяющей цивилизацию на менее развитые в экономической отношении народы. Частично она служила утешением, как компенсация за низкий уровень жизни, лишения и отсутствие многих элементарных удобств, присущих европейскому образу жизни.

Сегодня одним махом «упразднить» русскую идею невозможно. Но тогда возникает вопрос: какую роль в консолидации российского общества она может

сыграть в условиях, когда Россия давно уже является родиной многих народов? Это тем более важно, с учетом роста национального самосознания у нерусских этносов, населяющих Россию. Очевидно, современная русская идея не может уже иметь узко этническое значение, ее опорой вряд ли может быть только лишь православная церковь. Вероятно, в новых условиях она должна стремиться к идеалу построения в России такого гражданского общества, которое было бы основано на принципах справедливости, национального, религиозного и культурного плюрализма.

Разумеется, национальное сознание, национальная идея выполняет различные роли на разных этапах этнического развития. «Все есть яд, и все есть лекарство, тем или другим его делает лишь доза» – заметил средневековый врач и мыслитель Парацельс. Добавим при этом: любая передозировка в отношении национальной идеи грозит обрести форму этноцентризма, шовинизма, а то и фашизма.

Россия и без того является евразийской страной. Если евразийская идея ограничивается территорией Российской Федерации и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), то упрочение союза евразийских народов на ее территории – приоритетная государственная задача. Что же касается ее отношения с остальными постсоветскими странами, то нашей стране в качестве генеральной линии нужно принять политику на экономическое и политическое сотрудничество, а не на реинтеграцию. Такая политика, по крайней мере, будет честной и, главное, благородной по отношению к собственному народу, уставшему от многовековых социальных передраг.

Литература

1. *Тихомиров Ю. В.* Геополитика: Уч. пособие. – М.: Инфра-м, 2000. – 269 с.
2. *Ерасов Б. С.* Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. Политические исследования: Научный и культурно-просветительский журнал. – 2001. № 5. – С. 65–75.
3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.